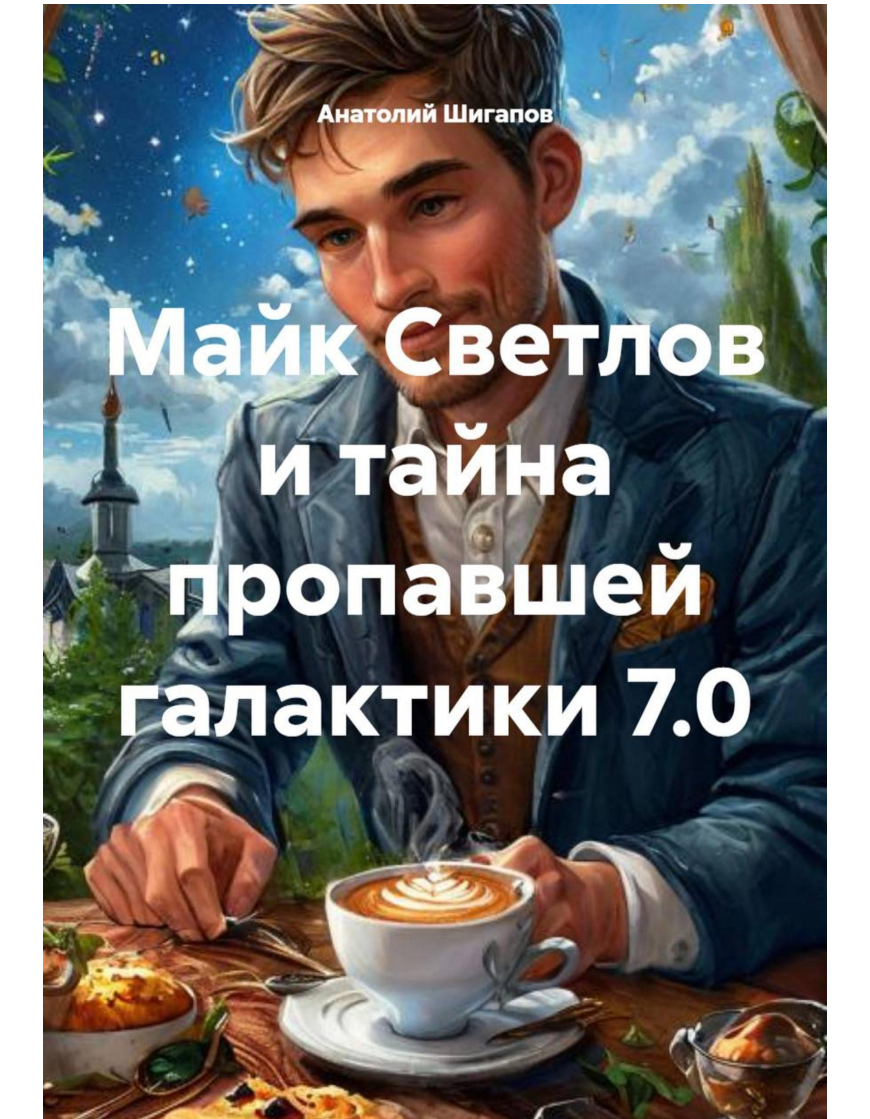

Анатолий Шигапов

Майк Светлов и тайна пропавшей галактики 7.0

Анатолий Шигапов
Майк Светлов и тайна
пропавшей галактики 7.0
Серия «Светлый Майк», книга 10

*<https://litres.ru/73515487>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Вы когда-нибудь просыпались утром, пили чай с пирожками и вдруг понимали, что ваша кофеварка только что случайно стёрла половину вселенной? Если нет - вы просто не Светловы.

Знакомьтесь: самая обычная (ладно, почти обычная) семья, у которой всё идёт не по плану. Михаил (он же Светлый Майк) мечтал выспаться, но теперь вынужден спасать реальность.

В этой книге: центр вселенной, боги на пенсии, параллельные миры, светящийся зверёк Светик, который учится быть человеком, и, конечно, дядя Вася - продавец запчастями и по совместительству создатель всего сущего.

Это история о том, что даже когда всё рушится, главное - чтобы рядом были свои. И пирожки. Пирожки обязательно.

Анатолий Шигапов

Майк Светлов и тайна пропавшей галактики 7.0

Книга седьмая:

СВЕТЛОВЫ И ТАЙНА ПРОПАВШЕЙ ГАЛАКТИКИ

или Как мы случайно стёрли половину вселенной и восстановили её с помощью пирожков

«Говорят, что дома и стены помогают. А в нашей семье помогают пирожки. Даже когда этих стен уже нет, потому что их стёрла случайно активированная программа древних богов. Но пирожки – они вечны. Как и наше желание влипать в истории.» – Из дневника Михаила Светлова (Светлого Майка)

Посвящается

Тем, кто верит, что даже если ты случайно стёр целую галактику, это ещё не повод отчаиваться. Особенно если у тебя есть запас пирожков. И половник. И дед с кофеваркой. И бабушка, которая в любой непонятной ситуации начинает печь. И маленький древний зверёк Чих, который чихает на все проблемы. И светящаяся программа Светик, которая только учится быть человеком, но уже понимает главное: се-

мья – это когда вместе.

Всем, кто когда-либо терял надежду, но находил её на дне тарелки с горячими пирожками. Всем, кто верит, что даже в центре вселенной, даже на краю гибели, даже когда вокруг пустота и холод, можно согреться друг о друга.

И всем, кто знает: настоящая магия – не в заклинаниях и артефактах, а в том, чтобы в трудную минуту кто-то спросил: «Будешь пирожок?»

Мама и папа, вы – те, кто научил нас печь первые в жизни пирожки. Пусть они были кривыми и подгоревшими, но вы ели их и говорили, что это самое вкусное, что вы пробовали. Помню, как в детстве мы возились с тестом на кухне, и вы терпеливо объясняли, что муки нужно ровно столько, чтобы тесто перестало липнуть к рукам, но не превратилось в камень. Вы никогда не говорили: «Это невозможно», а только: «А давай попробуем». Без вас не было бы ни Светловых, ни галактик, ни этой книги.

Вы первыми поверили в наши истории, даже когда мы рассказывали про динозавров в школьном дворе и про то, как Громов случайно открыл портал в ванной. Вы не смеялись, вы слушали. И только потом, когда мы уходили, тихо переглядывались и вздыхали: «В кого же они такие?» – но в ваших глазах всегда светилась гордость.

Спасибо вам за то, что в любой ситуации вы были на нашей стороне. Даже когда соседи жаловались на странные звуки из нашей квартиры, вы просто говорили: «Это наши де-

ти экспериментируют с реальностью. Всё под контролем». И никто не догадывался, что вы сами до конца не понимали, что значит «экспериментируют с реальностью».

Вы – наши первые читатели, наши первые критики и наши главные болельщики. Эта книга – про вас. Потому что Светловы – это вы. И дед с его безумными изобретениями – это от вас. И бабушка с её пирожками – это тоже вы. Всё, что мы умеем, всё, что мы делаем, – всё родом из нашего детства, из ваших рук, из ваших слов.

Спасибо, что научили нас главному: что даже если галактика рухнет, главное – чтобы семья была рядом. И пирожки.

Моей бабушке, человеку-легенде, человеку-половнику, человеку-пирожку.

Ба, помнишь тот день, когда мы вернулись из центра вселенной, где случайно стёрли галактику, и ты только вздохнула и спросила: «С капустой или с мясом будем новые печь?» Я тогда подумал, что ты не поняла масштаба трагедии. А теперь я понимаю: ты поняла всё. Ты поняла, что если есть пирожки, то любую трагедию можно пережить. Даже если вселенной больше нет, но есть тесто, дрожжи и капуста – значит, будет новая вселенная. Испечём.

Твой половник – страшнее любого бластера. Твои пирожки – мощнее любой древней магии. Ты научила нас главному: даже в центре вселенной, даже на краю гибели, главное – вовремя перекусить. И не одному, а с теми, кого любишь.

Помню, как ты впервые вышла с половником против ино-

планетного захватчика. Он был ростом с трёхэтажный дом, с бластером и армией дронов. А ты вышла в фартуке, с половником и тарелкой пирожков. И сказала: «Мальчик, ты сначала покушай, а потом уже завоёвывай. Голодный завоеватель – плохой завоеватель». Он попробовал пирожок и... остался. Теперь он живёт у соседей и помогает им по хозяйству. Говорит, что завоёвывать вселенную скучно, а пирожки – это вечно.

Ба, ты – наш главный стратег. Ты – наш тыл. Ты – наша совесть. И если когда-нибудь вселенная действительно рухнет, я знаю, кто будет печь новые миры на сковородке.

Моему деду, гениальному безумцу, человеку, который умудрился подключить кофеварку к системе управления реальностью и теперь утверждает, что «так и было задумано».

Дед, твоя уверенность пугает даже Созидателей. Когда они увидели, что ты чинишь ткань пространства-времени с помощью скотча и старой зубной щётки, у них случился культурный шок. Они потом три дня ходили и бормотали: «Как это возможно? Как это вообще работает?» А ты просто улыбался и говорил: «Руки из нужного места растут».

Ты единственный человек в галактике, который может починить всё что угодно. Звездолёт, портал, разорванную реальность, сломанный тостер, соседский телевизор, отношения между цивилизациями, вселенскую справедливость – дай тебе час и набор инструментов, и ты справишься.

Помню, как в меловом периоде, когда наш звездолёт раз-

валился на части, ты починил его с помощью лианы, камня и мха. Местные динозавры смотрели на это с таким уважением, что потом целую неделю носили тебе подношения – огромные яйца, из которых потом вылупились наши друзья-велоцирапторы.

Твой гений не знает границ, как и наша галактика (даже когда мы её случайно стираем). Ты научил нас, что нет нерешаемых проблем. Есть проблемы, для решения которых у тебя просто нет подходящего инструмента. Но если под рукой есть скотч, можно обойтись и без инструмента.

Нашей большой, шумной, безумной семье. Тем, кто собирается за одним столом по праздникам и без, кто делит пирожки и проблемы поровну. Вы – наша вселенная в миниатюре. И пусть в ней иногда случаются чёрные дыры и взрывы сверхновых, мы всегда знаем, что гравитация нашей любви удержит всё на своих местах.

Семья – это не просто слово. Это когда в три часа ночи можно позвонить и сказать: «У нас тут портал открылся, не приедете посмотреть?» – и они приедут. С пирожками, естественно. Потому что без пирожков какой портал?

Это когда бабушка печёт пирожки на всю армию, потому что «вдруг гости будут», а гости – это все, кто зайдёт, даже инопланетяне. Это когда дед чинит всё подряд, потому что «а вдруг пригодится», и оно действительно пригождается, когда нужно починить ткань пространства-времени скотчем.

Это когда мы ссоримся, но миримся за чашкой чая. Когда обижаемся, но прощаем, потому что родных не выбирают, а если бы выбирали – всё равно выбрали бы вас.

Наша семья разрослась за эти годы. В ней появились Чих и Светик, дядя Вася и Созидатели, динозавры и неандертальцы, двойники из параллельного мира и даже тётя Зоя, которая до сих пор не понимает, как мы умудряемся влипать во все эти истории. Но она всё равно приходит за сахаром и остаётся на пирожки. Потому что она тоже семья. Пусть и не по крови, но по духу.

Семья – это те, кто с тобой, даже когда вокруг рушатся галактики. И те, с кем хорошо, когда всё спокойно. И те, без кого тишина становится слишком громкой.

Спасибо вам, наши родные, за то, что вы есть. За то, что терпите наши безумства. За то, что всегда рядом. За то, что мы – это мы, только благодаря вам.

Тем, кто готов в три часа ночи выслушивать истории о том, как мы случайно стёрли галактику. Тем, кто приносит пирожки, когда у нас кончились. Тем, кто верит в нас даже тогда, когда мы сами не верим. Вы – те самые порталы в лучшую версию нас самих.

Друзья – это удивительная категория существ. Они не обязаны быть с нами, но они есть. Они не связаны с нами кровными узами, но почему-то терпят наши безумства, наши ночные звонки, наши бесконечные рассказы о том, как кофеварка опять замигала. Они могли бы просто отмахнуть-

ся, сказать: «Ой, да ну вас, Светловы». Но они не отмахиваются. Они слушают. Кивают. А иногда даже советуют: «А ты попробуй пирожками – вдруг поможет?»

Вы – наши якоря в этом мире. Когда нас затягивает в портал, вы держите верёвку. Когда мы возвращаемся, вы встречаете нас чаем. Когда мы теряем надежду, вы напоминаете, что пирожки – это вечно.

Иногда мне кажется, что без вас Светловы давно бы потерялись в бесконечности. Вы – те самые звёзды, по которым мы ориентируемся. Маяки в хаосе. Гравитация, которая не даёт нам разлететься.

И знаете что? Вы тоже часть нашей семьи. Может быть, не по документам, но по духу. Потому что семья – это не только те, с кем ты живёшь под одной крышей. Это те, кто живёт в твоём сердце. А вы там живёте – все до одного.

Спасибо, что вы есть. Что терпите. Что верите. Что приносите пирожки.

Мы вас любим. Даже когда не говорим об этом вслух. Особенно когда не говорим. Потому что настоящая дружба – она в тишине тоже слышна.

Чиху – древнему, мудрому, пушистому и вечно чихающему.

Чих, ты вернулся к нам, потому что «без вас скучно, даже динозавры надоели». Ты прожил миллион лет. Ты видел рождение и гибель цивилизаций. Ты наблюдал, как звёзды зажигаются и гаснут. И ты выбрал нас. Маленькую, безум-

ную, вечно влипающую в истории семью Светловых. Почему? Потому что с нами не скучно. Потому что каждый день – как последний. Потому что мы умеем смеяться даже в центре вселенной, когда вокруг пустота и холод.

Твоя мудрость спасала нас не раз. Твои чихи – не раз. Ты – наш пушистый ангел-хранитель, хоть и чихаешь на нас постоянно. Помню, как в самый страшный момент, когда программа «Очистка» уже запустилась и галактика исчезала на глазах, ты чихнул так громко, что программа зависла на секунду. Этой секунды хватило, чтобы мы успели прыгнуть в портал.

Ты говоришь мало, но каждое твоё слово – золото. Ты – наша память. Ты – наша связь с вечностью. И если через миллион лет кто-то будет вспоминать Светловых, это будешь ты. И ты расскажешь правду. Что мы были не героями, а просто семьёй, которая любила пирожки и друг друга.

Громову – Ивану Петровичу Громову, самому старому, самому ворчливому и самому надёжному спецагенту в истории галактики.

Громов, ты ворчишь – мы знаем, что всё под контролем. Ты молчишь – мы начинаем паниковать. Ты улыбаешься – мы прячемся под стол, потому что если Громов улыбается, значит, случилось что-то совсем ужасное.

Ты прошёл с нами огонь, воду и медные трубы. Ты видел, как мы влипаем в истории, и каждый раз говорил: «Я же предупреждал». Но ты никогда не бросал нас. Ты всегда был ря-

дом – с бластером, с папиросой и с неизменным: «Ну что, опять?»

Помню, как в центре вселенной, когда Созидатели смотрели на нас с высоты своего величия, ты вышел вперёд и сказал: «Слушайте, вы, боги, может, хватит уже пугать людей? Лучше пирожков возьмите». И они взяли. И подобрили. Потому что даже богам нужно, чтобы кто-то сказал им правду. А ты всегда говоришь правду. Даже если она горькая. Даже если она ворчливая.

Ты – наш скала. Наша опора. Наша совесть в погонах. И даже когда ты ворчишь, мы знаем: это от любви. Просто ты стесняешься это показывать.

Полозову – Семёну Семёновичу Полозову, главному летописцу нашей эпохи, человеку, который записывает всё.

Семён Семёнович, седьмой том мемуаров уже в печати. Восьмой – в работе. Девятый – снится в кошмарах. Твоя преданность делу поражает. Твой блокнот, кажется, больше твоей квартиры. Ты умудряешься записывать даже тогда, когда вокруг летят бластерные лучи и рушатся галактики.

Помню, как в центре вселенной, когда мы чуть не погибли, ты стоял с блокнотом и строчил: «Созидатели, пять штук, светятся, много глаз, едят пирожки». Я спросил: «Полозов, ты что, с ума сошёл? Мы погибаем!» А ты ответил: «Если мы погибнем, кто-то должен узнать, как это было». И продолжил писать.

Ты – наша память. Наша история. Наше бессмертие в бук-

вах. Благодаря тебе наши приключения не исчезнут в пустоте. Они останутся в книгах. И когда-нибудь, через тысячу лет, кто-то прочитает о нас и скажет: «Какие же они были безумцы». И улыбнётся.

Спасибо тебе за это.

Тем, кого нет с нами. Вы ушли, но каждый раз, когда мы печём пирожки, вы рядом. Потому что пирожки – это не просто еда. Это память. Это тепло ваших рук, которое мы чувствуем до сих пор. Я помню, как бабушка учила меня раскатывать тесто, а вы стояли рядом и подсказывали: «Не спеши, дай тесту отдохнуть». Теперь я всегда даю тесту отдохнуть – и каждый раз вспоминаю ваш голос.

Вы незримо присутствуете в каждом нашем приключении. Когда мы стоим на краю галактики и смотрим в бездну, я иногда ловлю себя на мысли, что где-то там, среди звёзд, вы тоже смотрите на нас и улыбаетесь. Может быть, вы теперь путешествуете по вселенной быстрее света и видите то, что нам только предстоит открыть.

Эта книга – и для вас тоже. В каждом её слове, в каждой шутке, в каждом пирожке – частичка вас. Ваши истории, ваши уроки, ваша любовь – всё это осталось с нами и перешло на эти страницы. Чих однажды сказал, что память – это самая прочная материя во вселенной. Она не стирается программами очистки, не сгорает в чёрных дырах, не теряется в параллельных мирах.

Иногда мне кажется, что вы просто ушли в другое изме-

рение, чуть более разрежённое, чуть более тихое. И когда мы говорим о вас, когда вспоминаем ваши истории, когда печём пирожки по вашим рецептам – мы создаём портал. И на мгновение вы снова с нами. Вы слышите наш смех, чувствуете запах теста, видите, как мы снова влипаем в истории.

Надеемся, там, где вы сейчас, тоже есть пирожки. И они такие же вкусные, как те, что вы пекли для нас. И может быть, там тоже есть свои приключения – только без порталов и программ очистки, а тихие, уютные, звёздные.

Мы помним. Мы любим. Мы ждём встречи – там, за горизонтом событий, где время течёт иначе и где пирожки никогда не остывают.

Светику – нашей маленькой светящейся программе, которая стала человеком.

Светик, ты появилась из ниоткуда. Ты была программой, созданной для уничтожения. А стала нашим другом. Ты научила нас, что даже у программ есть душа. Особенно если их накормить пирожками.

Помнишь тот момент, когда ты впервые попробовала пирожок? Твои светящиеся глазки расширились, и ты сказала: «Что это? Это... это невероятно». И мы поняли: ты одна из нас. Ты теперь Светлова. Пусть и светишься в темноте.

Ты учишься быть человеком. У тебя получается. Иногда смешно, иногда трогательно, но всегда искренне. Ты уже умеешь смеяться (почти), умеешь грустить (немного), умеешь любить (очень). Ты – наше маленькое чудо. И мы рады,

что ты с нами.

Дяде Васе – он же Архитектор, он же создатель вселенной, он же продавец запчастями на рынке.

Дядя Вася, когда мы узнали, что вы – тот самый Архитектор, который создал всё сущее, у нас случился культурный шок. Мы думали, вы просто добрый продавец, у которого всегда есть нужные запчасти. А вы – бог. Настоящий. Который пять тысяч лет прятался от своих обязанностей, потому что «надоело, хочется пожить простой жизнью».

Спасибо, что не забываете нас. Что всегда готовы прийти на помощь. Что терпите наши бесконечные проблемы с кофеваркой, галактиками и программами. Вы – самый скромный бог во вселенной. Вы торгуете запчастями, пьёте чай с пирожками и никогда не жалуетесь на судьбу.

Помню, как вы сказали: «Знаете, а здесь лучше, чем в центре вселенной. Там скучно, а тут – жизнь. Люди приходят, рассказывают истории, делятся пирожками». И я понял: даже богам нужно счастье. И оно иногда находится на обычном рынке, в обычной ларьке, среди обычных людей.

Созидателям – А-1, А-2, А-3, А-4 и А-5.

Ребята, вы, конечно, боги. Вы создали половину вселенной. Вы управляете реальностью. Но когда вы впервые попробовали бабушкины пирожки, вы стали просто детьми, которые нашли конфету. Вы сидели, облизывали свои шупальца и просили добавки. И в этот момент мы поняли: даже боги – они как мы. Просто у них больше глаз и ответствен-

ности.

Спасибо, что приняли нас. Что помогли восстановить галактику. Что не превратили нас в пыль, когда мы случайно стёрли половину вселенной. Вы – хорошие боги. Немного рассеянные, немного забывчивые, но добрые. А это главное.

Всем нашим друзьям – старым и новым, реальным и виртуальным, из нашего мира и из параллельных.

Ксирг, наш зелёный друг, бывший диктатор, а ныне просто хороший человек (ну, почти человек). Ты всё ещё живёшь в нашем сарае и смотришь сериалы. Иногда выходишь в город, пугаешь прохожих своим зелёным цветом, но мы уже привыкли. Ты – часть семьи.

Зет и другие серые, которые остались в меловом периоде. Вы научились печь пирожки и теперь не хотите возвращаться к коллекционированию. Мы гордимся вами. Вы – пример того, что даже древние программы могут измениться, если захотят.

Угх и всё племя неандертальцев. Вы всё ещё живёте в своих пещерах, но теперь с комфортом. Вы научились пользоваться огнём (хотя и так умели), печь пирожки (это мы вас научили) и даже смотреть телевизор (мы подарили вам старый, на солнечных батареях). Теперь по вечерам вы собираетесь у костра и смотрите «Дом-2». Это ли не прогресс?

Зубастик, наш любимый тираннозавр. Ты остался в меловом периоде охранять неандертальцев. Ты – самый добрый хищник в истории. Ты ешь пирожки, играешь с велоцирап-

торами и пугаешь только плохих динозавров. Мы скучаем по тебе. Но знаем, что ты на своём месте.

Клык, Коготь и Хвостик – наши велоцирапторы. Вы стали вегетарианцами (почти) и теперь помогаете неандертальцам охотиться на... бабочек. Это смешно, но вы счастливы.

И всем вам, дорогие читатели

Спасибо, что вы с нами. Без вас наши приключения были бы просто чередой случайностей. А с вами – это история. А история, как известно, пишется пирожками.

Вы пишете нам письма. Вы требуете продолжения. Вы стучитесь в двери и кричите: «Когда новая книга?» Вы даже звоните среди ночи и спрашиваете: «А что там с Чихом? Он жив? Он с вами?» Да, он с нами. Он чихает, читает книги и даёт советы. Он в порядке.

Вы – наша движущая сила. Наша мотивация. Наша аудитория, ради которой хочется влипать в новые истории, чтобы потом рассказать их вам.

Спасибо, что терпите наши длинные предисловия, наши шутки, наших безумных героев. Спасибо, что смеётесь там, где мы старались быть смешными, и грустите там, где мы пытались быть серьёзными.

Вы – лучшие читатели в галактике. И не только в нашей.

Издателю – человеку, который каждую нашу книгу встречает словами: «Ну, Светловы, опять вы за своё?» и всё равно печатает.

Спасибо, что верите в нас. Что не боитесь издавать кни-

ги, где главные герои – семья, которая случайно стирает галактики. Что терпите наши постоянные правки, наши «ой, а давайте ещё главу добавим» и «а можно переписать концовку?». Вы – святой человек. Или просто безумный. Но мы вас любим.

Особенно спасибо за то, что не вырезали сцену, где Громов матерится на Созидателей. Мы знаем, что это было рискованно. Но вы сказали: «Оставьте. Это же Громов. Он без мата не может». И мы оставили.

Всем писателям – тем, кто тоже пишет истории, кто мучается с сюжетами, кто ищет вдохновение и иногда теряет его.

Держитесь. Иногда кажется, что всё, кончились идеи, никогда больше не напишешь ни строчки. Но потом приходят Светловы (в переносном смысле, конечно, хотя иногда и в прямом – они могут вломиться в дверь и попросить пирожков) и говорят: «Эй, у нас тут новая история! Записывай!»

Мы знаем, что писательство – это тяжёлый труд. Это ночи без сна, это бесконечные правки, это моменты отчаяния. Но это и моменты счастья, когда ты видишь, как твои герои оживают, как читатели смеются и плачут вместе с ними.

Творите. Пишите. Не бойтесь быть смешными и нелепыми. Не бойтесь влипать в истории. Потому что каждая история – это маленькая жизнь. А жизнь, как известно, лучше всего проживать с пирожками.

России – стране, где мы живём, где печём пирожки, где вляпываемся в приключения и где нас всегда ждут дома.

Россия – это не только берёзки, матрёшки и медведи на улицах (кстати, медведей у нас нет, а если и есть, то они с нами заодно). Россия – это люди. Удивительные, терпеливые, смешные, грустные, героические и обычные. Такие же, как Светловы. Которые могут стереть галактику случайно, а потом восстановить её с помощью пирожков. Потому что по-другому нельзя. Потому что мы так умеем.

Здесь, в России, даже обычное утро может стать необычным. Здесь даже боги ходят на рынок за запчастями. Здесь даже программы становятся людьми. Здесь даже в центре вселенной пахнет пирожками.

Спасибо тебе, страна, за то, что ты есть. За твои бескрайние просторы, за твою историю, за твоих людей. Мы тебя любим. Даже когда ты сердишься. Даже когда ворчишь, как Громы. Даже когда творишь невообразимое.

Мы – часть тебя. А ты – часть нас.

И в конце – всем, кто когда-либо говорил нам: «Вы ненормальные»

Да, мы знаем. Мы ненормальные. Мы влипаем в истории, которые нормальным людям даже не снятся. Мы дружим с динозаврами, богами и программами. Мы едим пирожки в центре вселенной. Мы стираем галактики и восстанавливаем их.

Но знаете что? Нормальным быть скучно. Нормальные живут тихо и спокойно, а потом умирают, и никто их не помнит. А о нас будут помнить. Потому что наши приключения

записаны в книгах. Потому что Чих расскажет о нас через миллион лет. Потому что Светик будет светить в память о нас.

Так что да, мы ненормальные. И гордимся этим.

Ну что, поехали? То есть полетели? То есть провалились в центр вселенной?

Снова.

Как всегда.

Обращение от автора

(или Почему я снова не сплю и пишу эти строки, а кофеварка мигает)

Дорогой читатель!

Если ты держишь эту книгу в руках (или смотришь на экран, или слушаешь аудиовersion, пока твой космолёт завис в пробке на орбите Юпитера – привет, дальнобойщики галактики!), значит, ты снова с нами. Или впервые – тогда добро пожаловать в наш бедлам, у нас тут пирожки, порталы, вечно мигающая кофеварка и полное отсутствие здравого смысла.

Знаешь, в чём главная проблема писателя, который завёл семью Светловых? Они не дают мне спать. Честное слово. Только я собираюсь лечь пораньше, как в голову лезет мысль: «А что, если дед подключит кофеварку к системе отопления?» И всё. Я вскакиваю, хватаю блокнот и пишу. А через час приходит кто либо из членов семьи (тот, настоя-

ций, не книжный) и говорит: «Ты опять? Спать иди». И я иду. Но Светловы уже включили портал, и я лечу за ними.

Эта книга родилась из простого вопроса: «А что, если после спасения галактики Светловы попытаются жить спокойно?» Спойлер: не вышло. У них кофеварка замигала, и понеслось. Теперь у нас тут боги на пенсии (дядя Вася, привет!), бывшая программа уничтожения по имени Светик, которая учится быть человеком и задаёт по сто вопросов в минуту, и, конечно, параллельный мир с нашими двойниками. Потому что одной вселенной Светловым мало.

– Майк, – спросил я как-то у главного героя (ну, как спросил – он сам в голову залез и сказал), – а вы не могли бы хоть раз обойтись без апокалипсиса?

– А что такое апокалипсис? – удивился он. – Мы просто живём. А галактики иногда стираются сами. Это не мы, это кофеварка.

Я тогда подумал: может, пора сменить профессию? Но потом Чих чихнул, и я понял: нет, это моё. Писать о Светловых – значит навсегда забыть о спокойной жизни.

О чём эта книга?

Если коротко – о семье. О том, как три (на самом деле уже больше) поколения Светловых пытаются жить обычной жизнью, но вселенная против. О том, что даже если ты случайно стёр галактику, это не повод отчаиваться. Потому что есть пирожки. И половник. И дед, который починит что угодно скотчем и старой зубной щёткой.

Если длинно – садись поудобнее, наливай чай (бабушка советует с мятой, она успокаивает, даже когда вокруг рушатся галактики) и слушай.

Внешне это юмористическая фантастика: путешествия в центр вселенной, встречи с богами, виртуальные реальности и параллельные миры. Михаил Светлов (Светлый Майк) снова в центре событий, хотя мечтал только о том, чтобы выспаться и съесть пирожок. Павлик снова спорит с учителями, Аня пишет дневник, Громов ворчит, Чих чихает, Светик светится, а бабушка печёт пирожки. Много пирожков. Очень много.

Но внутри – история о том, что дом там, где твоя семья. Даже если этот дом – обычная квартира, в которую то и дело врываются порталы. Даже если семья – это бывший спецгент Громов, древний зверёк Чих, программа-переросток Светик и бог на пенсии дядя Вася. Даже если тебе приходится делить кухню с двойниками из параллельного мира.

– Пап, – спросил меня как-то сын (ему семь, и он уже знает всех Светловых по именам), – а почему они всё время влипают в истории?

– Потому что они Светловы, – ответил я. – Это у них в крови. Как у нас с тобой

– любовь к пирожкам.

– А у нас есть пирожки?

– Сейчас спросим у бабушки.

Бабушка, кстати, всегда говорит: «Пирожки – это главное.

Всё остальное приложится». И я ей верю. Она у меня тоже немного Светлова.

Кто все эти люди?

Михаил Светлов (Светлый Майк) – старший внук, вечно невысыпающийся, вечно жующий пирожки и вечно попадающий в истории. Он не герой в классическом смысле – он просто хочет, чтобы все были живы и сыты. Но вселенная против.

– Майк, – спросил я его как-то, – ты не устал?

– Устал, – признался он. – Но если я остановлюсь, кто будет следить, чтобы Павлик не съел все пирожки?

Павлик – младший брат, вечно голодный, вечно спорящий с учителями и вечно правый. Его аргумент «тираннозавры не спрашивают теорему Пифагора» работает безотказно. Даже на богах.

Аня – старшая сестра, которая записывает всё в дневник. Полозов до сих пор обижается, что у неё страниц больше. Но Аня пишет для души, а Полозов – для истории. Это разные вещи.

Бабушка Зина – человек-легенда, человек-половник, человек-пирожок. Её пирожки спасали галактики, мирили врагов и превращали программы уничтожения в пушистых друзей. Если вы думаете, что главное оружие Светловых – кофеварка, вы ошибаетесь. Главное оружие – бабушка с половником.

Дед Игнат – гениальный безумец, который умудрился под-

ключить кофеварку к системе управления реальностью. Его любимые инструменты – скотч, молоток и оптимизм. Он чинит всё, от тостера до ткани пространства-времени.

– Дед, – спросил его Павлик, – а ты инструкции читаешь?

– Зачем? – удивился дед. – Техника сама подсказывает, если прислушаться.

– И что подсказала кофеварка?

– Что ей не хватает любви. И немного урана.

Громов – самый старый, самый ворчливый и самый надёжный спецгент в истории галактики. Он ворчит – значит, всё под контролем. Он молчит – мы паникуем. Он улыбается – прячемся под стол. Потому что если Громов улыбается, значит, случилось что-то совсем ужасное.

Чих – древний, мудрый, пушистый и вечно чихающий. Он прожил миллион лет, видел рождение и гибель цивилизаций, но выбрал нас. Почему? Потому что с нами не скучно. И потому что у нас есть пирожки.

Светик – бывшая программа уничтожения, а теперь маленькое светящееся существо, которое учится быть человеком. Он задаёт тысячу вопросов в минуту, путает унитаз с посудомойкой и светится от счастья. И от пирожков.

Дядя Вася – он же Архитектор, он же создатель вселенной, он же продавец запчастями на рынке. Ушёл на пенсию пять тысяч лет назад, но Светловы регулярно дёргают его по пустякам. Например, спасти галактику. Или оживить параллельный мир.

Созидатели – боги, которые создали половину вселенной, но после знакомства с бабушкиными пирожками стали просто детьми, которые нашли конфету. Теперь они живут за гаражами, помогают тёте Зое по хозяйству и играют в шахматы с Семёнычем.

И, конечно, кофеварка. Она не просто варит кофе. Она открывает порталы, стирает галактики, общается с программами и мигает, когда хочет что-то сказать. Мы до сих пор не знаем, чего она хочет. Но Светик говорит, что она просто рада, что мы есть.

О чём эта книга на самом деле?

Если снять слой за слоем все порталы, всех богов, все параллельные миры и виртуальные реальности – останется одно: о семье. О том, что даже если ты программа, созданная для уничтожения, ты можешь стать человеком, если рядом есть те, кто в тебя верит. О том, что даже боги нуждаются в простом человеческом тепле. О том, что древние наблюдатели могут найти свой дом после миллиона лет скитаний.

– Знаешь, – сказал мне Чих однажды вечером, когда мы сидели на подоконнике и смотрели на звёзды, – я за миллион лет видел много чудес. Но самое большое чудо – это когда ты просыпаешься утром и знаешь, что ты не один.

– А раньше ты был один?

– Раньше – да. Я наблюдал, но не жил. А теперь я живу. С вами.

– И как?

– Вкусно, – улыбнулся он. – Особенно пирожки.

Вот оно, счастье. Не в спасении галактик, не в могуществе, не в вечности. А в том, чтобы сидеть на кухне, пить чай, слушать, как Громов ворчит, как Светик задаёт свои бесконечные вопросы, как бабушка напевает что-то из старых фильмов. И знать, что завтра будет новый день. И, может быть, новое приключение. Но это не страшно, потому что вы – вместе.

Почему пирожки?

Потому что пирожки – это не просто еда. Это философия. Это способ сказать: «Я забочусь о тебе». Это язык, понятный всем: людям, богам, программам и древним зверькам. Пирожками можно накормить, утешить, подружиться, спасти вселенную.

– Бабушка, – спросил я как-то, – а если бы не было пирожков, что бы мы делали?

– Но они есть, – ответила она. – Значит, вопрос риторический.

И правда. Пирожки есть. А значит, всё будет хорошо.

Для кого эта книга?

Для тех, кто любит смеяться. Потому что без смеха в семье Светловых не выжить. Когда твоя кофеварка стирает галактику, а бабушка спрашивает: «С капустой или с мясом будем новую печь?», остаётся только смеяться.

Для тех, кто верит в семью. Даже если семья – это люди, боги, программы, древние зверьки и двойники из параллель-

ного мира.

Для тех, кто устал от мрачных историй, где герои страдают и умирают. У Светловых страдают все, но делают это с юмором. А умирают – крайне редко. Потому что некогда. Надо спасти вселенную. И пирожки есть.

Для тех, кто сам когда-то мечтал о приключениях. О том, как провалиться в портал, встретить богов, подружиться с программой и в конце концов вернуться домой, к пирожкам. И чтобы рядом была семья – шумная, странная, но любящая.

Спасибо тебе, читатель

Если ты держишь эту книгу в руках, значит, ты уже часть семьи Светловых. Часть этой бесконечной истории о том, что даже когда всё рушится, есть пирожки. И надежда. И любовь.

Спасибо, что прошёл этот путь вместе с нами. Спасибо за каждый смех, за каждую улыбку, за каждое «а когда продолжение?». Вы – наша движущая сила. Без вас Светловы были бы просто набором букв на бумаге. А с вами они живут. Дышат. Едят пирожки.

Я знаю, что где-то там, на кухне у Светловых, всё ещё горит свет. Бабушка печёт новую партию пирожков. Дед возится с кофеваркой. Павлик спорит с Аней о последнем пирожке. Громов ворчит на балконе. Чих читает книгу. Светик светится и задаёт вопросы. А кофеварка мигает – приглашает в новые приключения.

А я просто смотрю на них и улыбаюсь. Потому что это и есть счастье.

– Эй, автор! – кричит Павлик из кухни. – Ты идёшь чай пить? Пирожки остывают!

– Иду, Павлик! – кричу я в ответ.

– И блокнот захвати! – добавляет Полозов. – Я тут новый материал придумал!

– И кофе! – кричит дед. – Кофеварка сварила отличный кофе! Говорит, по новому рецепту!

– А она не взорвётся? – осторожно спрашиваю я.

– Не должна! – бодро отвечает дед. – Надеюсь!

Вот такая она, наша жизнь. Безумная, шумная, но – наша.

P.S. Если тебе вдруг станет грустно, вспомни: ты всегда можешь к нам присоединиться. Просто закрой глаза и представь, что ты сидишь с нами на кухне. Бабушка уже наливает чай. Дед показывает новую модификацию кофеварки. Громов ворчит, но по-доброму. Чих чихает от счастья. Светик светится. А пирожки... пирожки на столе. Бери, не стесняйся.

P.P.S. Дед просил передать, что его кофеварка – это не просто кофеварка, а многофункциональный порталный генератор, и если ты хочешь такой же, обращай к дяде Васе на рынок. Но предупреждаю: она может стирать галактики. Так что будь осторожен с настройками.

P.P.P.S. Бабушка просила передать, что если ты когда-нибудь окажешься в наших краях, заходи на пирожки. Она всегда рада гостям. Особенно если гости приносят новые рецепты. Потому что пятнадцать персонажей (и один светящийся)

– это вам не шутки, это кормить надо каждый день.

Р.Р.Р.Р.С. Громов только что прочитал эти постскрипту-мы и сказал, что я слишком много болтаю. Что старые разведчики так не делают. Что надо быть скромнее и тише.

– Громов, – спросил я, – а ты сам-то скромный?

– Я – другое дело, – ответил он. – Я заслужил право ворчать.

– А я?

– А ты писатель. Тебе положено болтать.

И улыбнулся. По-доброму, по-громовски.

В общем, если книга вдруг закончилась – значит, мы ушли в новое приключение. Не грусти. Мы вернёмся. Светловы всегда возвращаются.

Искренне ваш,

вечно попадающий в истории, вечно не высыпающийся, вечно жующий бабушкины пирожки и уже предвкушающий восьмую книгу автор

Р.С. Читатель! Если ты держишь эту книгу в руках – значит, ты тоже часть семьи. Устраивайся поудобнее. Бабушка уже наливает чай. Кофеварка мигает. А пирожки... пирожки всегда с нами. Даже когда галактики стираются.

Искренне ваш,

Анатолий Шигапов

(он же Михаил Светлов (ту-ту), он же Светлый Майк)

Пролог. Тишина перед бурей

(или Как мы пытались жить обычной жизнью и у нас почти получилось)

«Есть такая древняя мудрость: если долго сидеть на берегу реки, можно увидеть, как мимо проплывёт труп твоего врага. А если ты Светлов, то мимо проплывёт сначала взбешённый ихтиозавр, потом портал в другое измерение, а потом окажется, что река – это вовсе не река, а временная аномалия. И враг тут вовсе ни при чём. Просто мы опять во что-то вляпались.» – Из дневника Михаила Светлова (Светлого Майка)

Месяц после возвращения из мелового периода прошёл на удивление спокойно. Настолько спокойно, что это начинало пугать.

– Громов, – сказал я как-то утром, встретив его на кухне. – Вам не кажется, что слишком тихо?

– Кажется, – мрачно ответил он, закуривая папиросу (бабушка ругалась, но разрешала – на балконе). – Подозрительно тихо.

– Может, просто всё хорошо?

– Хорошо? – Громов хмыкнул так, что у него дым из ушей пошёл. – Майк, когда у Светловых всё хорошо, это значит, что завтра будет очень плохо. Закон жанра. Я за двадцать лет службы это усвоил крепче, чем таблицу умножения.

– Может, в этот раз обойдётся?

– Посмотрим.

Он затаился, выпустил дым в форточку и добавил:

– Если тихо – значит, готовится что-то масштабное. Вселенная не любит, когда её забывают. Она как женщина: хочет внимания. А мы тут сидим, пирожки жуём, сериалы смотрим... Она обидится и устроит нам что-нибудь этакое.

– Мы не вселенную забыли. Мы просто отдыхаем.

– Для вселенной это одно и то же. Ты когда-нибудь видел, чтобы вселенная говорила: «Ой, да пусть отдохнут, они заслужили»? Нет. Вселенная говорит: «Ага, расслабились? Сейчас я вам устрою маленький апокалипсис для разнообразия».

Я вздохнул. Громов, как всегда, прав. Но так хотелось верить, что в этот раз обойдётся.

Меня зовут Михаил Светлов. Для друзей – просто Майк. Для семьи – Майк, Миша, а когда бабушка сердится – «Михаил Игнатьевич, имей совесть, ты уже не ребёнок, чтобы в порталы прыгать». Я – старший внук в этой безумной семье, и моя работа (неоплачиваемая, но очень ответственная) – следить, чтобы все оставались в живых во время наших приключений.

Получается так себе.

Дед целыми днями возился с кофеваркой. После мелового периода она обрела новые функции – теперь на её экранчике можно было смотреть погоду, узнавать курс валют, читать новости и даже, кажется, играть в «Сапёра». Дед утверждал, что это случайно получилось.

– Игнат, она у тебя уже всё умеет, – ворчала бабушка, на-

блюдая, как дед подключает кофеварку к телевизору. – Когда ты уже остановишься?

– Зина, прогресс не остановить, – отвечал дед, колдуя над проводами. – Вот, смотри, теперь можно кофе пить и сериалы смотреть одновременно. Я назвал это «кофе-кино-режим». А если нажать вот эту кнопку, она начинает показывать прогноз погоды на неделю. И ещё, кажется, она умеет разговаривать с микроволновкой.

– Зачем кофеварке разговаривать с микроволновкой?

– Чтобы кофе разогреть, если остынет. Представляешь? Приходишь с работы, а кофе уже горячий. Красота.

– А она не взорвётся от такого общения?

– Не должна. Надеюсь.

– Игнат, твоё «надеюсь» меня когда-нибудь в гроб вгонит.

– Зина, ты бессмертная. Ты переживёшь всё. Даже ядерный апокалипсис. Ты выйдешь из бункера с половником и спросишь: «Кто хочет пирожков?».

– Это да. Но нервы не казённые.

Павлик, мой младший брат, ходил в школу и мучительно страдал. После динозавров, неандертальцев и инопланетян уроки казались ему невыносимо скучными. Каждое утро начиналось с трагедии.

– Майк, – жаловался он, швыряя рюкзак в угол (это был ритуал, означавший «я пошёл на учёбу, но душа моя осталась дома»). – Вот зачем мне эта алгебра? Я лучше знаю, как отличить велоцираптора от компсогната! А учительница по

математике даже не знает, что компсогнат был размером с курицу и питался насекомыми!

– В школе это не ценят.

– А зря. Вдруг на контрольную придёт велоцираптор? Что тогда? Я должен буду решать квадратные уравнения, пока он меня ест? Нет уж, я лучше с ним договорюсь. Пирожками.

– Павлик, в школу не приходят велоцирапторы.

– А вдруг? Ты же сам говорил – никогда не говори «никогда». Мы же не думали, что попадём в меловой период, а попали. И динозавры были вполне реальные. Так почему бы им не прийти в школу?

– Потому что они вымерли 65 миллионов лет назад.

– А мы с ними чай пили! Они вполне живые были, когда мы там торчали. Так что не вымерли, а просто спрятались. Может, и в нашей школе кто-то спрятался. Вон, физрук подозрительно на тираннозавра похож.

– Павлик, ты параноик.

– Я реалист. Как Громов.

Аня, моя сестра (старшая, между прочим, и любит мне об этом напоминать при каждом удобном случае), помогала бабушке по хозяйству и тайком писала дневник. «Воспоминания о меловом периоде», как она это называла. Полозов, узнав об этом, чуть не лопнул от профессиональной ревности.

– Вы не имеете права! – кричал он, размахивая блокнотом так, что листы разлетались по комнате. – Это моя работа! Я

летописец! Я официальный историограф семьи Светловых! У меня даже печать есть! Самодельная, но есть!

– Полозов, ты записываешь для истории, – парировала Аня, спокойно собирая разлетевшиеся листы. – А я – для души. Это разные жанры.

– Для души – можно, – смиростивился Полозов, но подозрительно сощурился. – Но потом дай почитать! Я должен убедиться, что ты не искажаешь факты.

– Дам. Если пообещаешь не править.

– Я никогда не правлю! Я только редактирую! Это большая разница!

– Какая?

– Правка – это насилие над текстом. Редактирование – это искусство придания тексту совершенства.

– Полозов, ты слишком серьёзно к этому относишься.

– Это моя жизнь! – он прижал блокнот к груди. – Шесть томов мемуаров! Седьмой в работе! И если ты своими дневниками испортишь мне всю эксклюзивность, я... я... я напишу жалобу в Союз писателей!

– Там одни фантасты, они нас поддержат.

– Вот именно! Они знают цену хорошему сюжету!

Чих... Чих вернулся через три недели.

Мы сидели на кухне, пили чай, как вдруг в форточку влетел пушистый комок и приземлился прямо на стол, прямо в тарелку с пирожками.

– Чих?! – заорал Павлик, подпрыгнув так, что стул упал.

– Он самый, – ответил Чих, отряхиваясь и выплёвывая крошки. – Соскучился.

– Как ты нас нашёл?!

– По запаху пирожков. Он на полгалактики чувствуется. А вы тут, я смотрю, без меня неплохо устроились. Пирожки свежие, чай горячий. Жульничаете.

– А как ты вообще... ты же в меловом периоде остался!

– Остался. Но потом стало скучно. Динозавры – они, знаете, милые, но разговаривать с ними не о чем. Максимум – порычать друг на друга. А Зет с Угхом всё время пирожки пекут и спорят, у кого лучше получается. Я им говорю: «Ребята, вы оба печёте отлично, но до бабушки Зины вам как до центра вселенной пешком». Они обижаются. Я решил: дай-ка проведу Светловых.

– И как ты переместился?

– Кофеварка помогла, – Чих кивнул на дедово изобретение. – Я с ней на одной волне. Попросил – она открыла портал.

– И ты просто... вошёл?

– А что такого? Для меня это как в автобус сесть. Только автобус межвременной. И кондуктора нет.

– А билет?

– Пирожок. Я ей пирожок оставил. Заплатил за проезд.

С тех пор Чих жил у нас. Ему выделили уголок на подоконнике, где он грелся на солнышке, читал книги (да, он умел читать, и ещё как – «Краткую историю времени» оси-

лил за два дня) и давал всем советы.

– Чих, а ты правда миллион лет прожил? – спросил как-то Павлик.

– Правда. Даже больше. Я сбился со счёту где-то после миллиона.

– И не надоело?

– Бывает. Иногда хочется просто лечь и смотреть, как растут кристаллы. Но потом встречаешь таких, как вы, и становится интересно. Вы как энергетик для древнего организма.

– А что тебе в нас интересно?

– Всё. Вы живёте так быстро, так ярко, так... по-человечески. Для меня, древнего, это как кино смотреть, только в 3D, с полным погружением и запахом пирожков.

– А мы для тебя как кино?

– Лучше. В кино всё по сценарию. А у вас – сплошная импровизация. Никогда не знаешь, что вы выкинете в следующую минуту. То галактику сотрёте, то с динозаврами подружитесь, то с богами чай пить сядете.

– А ты за нами всё это время наблюдал?

– Конечно. А что ещё делать древнему зверьку в меловом периоде? Смотреть, как папоротники растут? Нет уж, спасибо. Ваша жизнь интереснее.

Жужа, наша собака, поначалу подозрительно обнюхивала Чиха, но быстро привыкла. Теперь они спали в обнимку – Жужа на своей подстилке, Чих у неё на животе. Жужа даже перестала лаять на чужих, потому что Чих объяснил ей, что

«чужих не бывает, бывают непознакомленные друзья».

– У нас зоопарк, – ворчал Громов, но по глазам было видно, что он тоже привязался к маленькому древнему зверьку. – Сначала Жужа, потом Чих, а скоро, глядишь, и динозавр на подоконнике поселится.

– Зубастик не поместится на подоконнике, – резонно заметил Павлик. – Он большой.

– Я фигурально.

– А, ну тогда ладно.

В общем, жизнь налаживалась. Спокойно, размеренно, предсказуемо.

Слишком спокойно.

Слишком размеренно.

Слишком предсказуемо для Светловых.

И, конечно, это не могло продолжаться вечно.

Но мы об этом ещё не знали.

Мы просто жили. Пили чай. Ели пирожки. Слушали, как Громов ворчит, как дед возится с кофеваркой, как бабушка напевает что-то из старых фильмов. Павлик делал уроки (ну, делал вид). Аня писала дневник. Полозов строчил мемуары. Чих читал книгу и чихал от пыли, которая, по его словам, «помнит ещё динозавров».

И всё было хорошо.

Слишком хорошо.

Настолько хорошо, что даже Громов перестал ворчать и начал улыбаться. Это был самый страшный знак. Когда Гро-

мов улыбается – значит, либо он что-то задумал, либо грядёт нечто ужасное. Обычно второе.

– Громов, – спросил я как-то, заметив его улыбку. – Вы чего улыбаетесь?

– А что, нельзя?

– Можно. Но это неестественно. Вы обычно улыбаетесь только перед тем, как что-то случается.

– Просто жизнь хороша, Майк. Тихо, спокойно. Никто не стреляет, порталы не открываются, галактики не стираются. Красота.

– Вот это меня и пугает.

– Меня тоже, – признался он. – Поэтому я улыбаюсь. Чтобы не плакать.

Мы помолчали.

– Думаете, скоро начнётся? – спросил я.

– Обязательно. Светловы без приключений – как пирожки без начинки. Вроде есть, а не то. Так что готовься.

– К чему?

– К чему угодно. К portalу, к инопланетянам, к концу света. Ко всему сразу.

Я вздохнул и пошёл на кухню. Бабушка как раз доставала из духовки новую партию пирожков.

– Ба, – сказал я. – А если завтра конец света, что будешь делать?

– Пирожки печь, – ответила она, не задумываясь. – А что ещё? Голодный конец света – плохой конец света. Да и встре-

чать апокалипсис лучше с горячими пирожками. Так и в загробный мир идти веселее.

– А если вселенной не станет?

– Испечём новую. У меня муки много. Дрожжи есть. А если и этого не хватит, Игнат что-нибудь придумает. Он же у нас гений.

– А если Игнат не справится?

– Тогда Чих поможет. Он древний, мудрый, не раз выручал.

– А если и Чих не справится?

– Тогда будем надеяться на лучшее. И пирожки. Пирожки всегда помогают. Это главное оружие Светловых.

Я улыбнулся. Бабушка, как всегда, права.

Вечером мы сидели на балконе – я, Павлик, Аня, Чих и Громов (он курил, но старался не дымить в нашу сторону). Смотрели на звёзды.

– Красиво, – сказала Аня.

– А вы знаете, – начал Чих, – что каждая звезда – это чей-то дом? Где-то там живут такие же, как мы. Тоже сидят, смотрят на небо и думают о пирожках.

– Думаешь, есть другие цивилизации? – спросил Павлик.

– Миллион лет наблюдаю – точно есть. Некоторые даже вкусные. В смысле, интересные.

– А они знают о нас?

– Пока нет. Но скоро узнают. С вами, Светловыми, долго в тени не просидишь. Вы как маяк: светитесь на всю галак-

тику.

– Это хорошо или плохо?

– И то, и другое. Хорошо – потому что с вами интересно. Плохо – потому что на свет маяка слетаются всякие... не всегда дружелюбные.

– Опять ты нас пугаешь, – вздохнул Громов.

– Я не пугаю. Я предупреждаю. Это разные вещи.

Мы замолчали. Где-то вдалеке мигнула звезда – то ли просто так, то ли в ответ.

– Спокойной ночи, – сказал я.

– Спокойной, – ответили все.

Мы разошлись по комнатам. Завтра будет новый день.

Мы ещё не знали, что завтра кофеварка замигает красным.

Мы ещё не знали, что через неделю мы случайно сотрём галактику.

Мы ещё не знали, что встретим Созидателей и подружимся с программой.

Мы ничего не знали.

И это было прекрасно.

Потому что иногда лучше не знать, что тебя ждёт.

Особенно если ты Светлов.

Особенно если впереди – новые приключения.

И пирожки.

Много пирожков.

Глава 1. Обычное утро, которое перестало быть обычным через пять минут

(или Как кофеварка решила, что мы недостаточно приключений на свою голову искали)

«Есть два типа утра: те, после которых ты просыпаешься и понимаешь, что сегодня будет отличный день, и те, после которых ты просыпаешься в пустоте, потому что твоя кофеварка только что стёрла галактику. Второе случается чаще, чем вы думаете. Особенно если вы Светловы.»— Из дневника Михаила Светлова (Светлого Майка)

То утро начиналось точно так же, как и все предыдущие двадцать девять дней нашего вынужденного (и, честно говоря, уже поднадоевшего) покоя.

Солнце светило в окно так навязчиво, будто хотело убедить, что мы точно проснулись и готовы к новым подвигам. Птицы за окном орали так, словно их тоже раздражала эта бесконечная тишина. Соседи сверху, как всегда, выясняли отношения – судя по звукам, муж опять забыл купить хлеб, и это было сравнимо с изменой родине.

– Я тебе говорила! – кричала женщина. – Говорила: купи хлеб! А ты! Ты опять!

– Насть, ну я забыл! – оправдывался мужчина. – Работа, понимаешь, аврал!

– Аврал у него! А мы теперь без хлеба! Что я детям в школу дам?!

– Купи в ларьке!

– В ларьке дороже!

Павлик, услышав это, прокомментировал с умным видом:

– А ведь если подумать, масштаб трагедии сопоставим с концом света. Хлеба нет – всё пропало.

– Ты бы лучше уроки делал, чем чужие ссоры слушать, – заметила Аня, но беззлобно.

– А что уроки? Уроки подождут. А хлеб – это святое.

– Павлик, ты опять философствуешь? – спросил я, входя на кухню.

– Я не философствую. Я наблюдаю. Как Чих.

Чих, услышав своё имя, поднял голову от книги и чихнул.

– Будь здоров, – сказала бабушка, не оборачиваясь от плиты. – Кстати, о хлебе. У меня сегодня новая партия пирожков. С крапивой.

– Бабушка, крапива жётся, – резонно заметил я, принимаясь. Пахло, кстати, божественно.

– А я её ошпарила. Теперь не жётся. Вкусно, полезно, витамины. В крапиве железа больше, чем в шпинате.

– А в шпинате вообще мало, – вставил Павлик, хватая пирожок прямо с противня. – Там популяризаторы ошиблись с запятой. На самом деле железа в шпинате не больше, чем в любой другой зелени.

– Ты откуда знаешь? – удивилась Аня.

– В интернете прочитал. Там всё написано.

– И про теорему Пифагора там тоже написано?

– А она зачем? Я же говорю, тираннозавры её не спраши-

вают.

– Павлик, ты неисправим.

– Зато вкусный, – сказала бабушка, подкладывая ему ещё пирожок. – Ешь, расти.

– Я и так вырос. Теперь вширь расту.

Дед сидел в углу и что-то паял. На столе перед ним лежали отвертки, провода, какие-то микросхемы, а в центре этого хаоса гордо возвышалась кофеварка. Она тихонько гудела – то ли от удовольствия, то ли от того, что дед опять залез в её внутренности и теперь она пыталась переварить новые настройки.

– Игнат, – подозрительно спросила бабушка, поглядывая на мужа через плечо, – что ты с ней делаешь?

– Улучшаю, Зина. Добавляю функцию распознавания лиц.

– Зачем кофеварке распознавание лиц?

– Чтобы она знала, кому кофе наливать. А то Павлик вечно лезет без очереди.

– Я не лезу! – возмутился Павлик с набитым ртом. – Я просто быстро пью!

– Ты быстро исчезаешь, – поправил Громов, входя с балкона. – Вместе с кофе. Я иногда думаю, что ты не пьёшь, а всасываешь.

– Это талант, – гордо заявил Павлик.

Громов, как всегда, был мрачен. Он вообще редко улыбался, но в последние дни хмурился особенно сильно. Каза-

лось, он ждал чего-то плохого с таким нетерпением, что это уже начинало раздражать.

– Громов, вы опять не спали? – спросила Аня, разливая чай.

– Спал. Но плохо. Снилось что-то... нехорошее.

– Что именно?

– Не помню. Но чувство тревоги осталось. Такое бывает перед операцией. Когда знаешь, что что-то пойдёт не так, но не знаешь, что именно.

– У вас всегда чувство тревоги, – заметил Павлик.

– Потому что я реалист. А реалист всегда готов к худшему. Оптимисты живут дольше, но реалисты – осознаннее.

– Это вы сами придумали?

– Опыт, молодой человек. Двадцать лет службы.

Чих сидел на подоконнике и читал книгу. «Краткая история времени» Стивена Хокинга. Маленький пушистый зверёк с умными глазами и книгой по космологии – это зрелище, которое могло выбить из колеи кого угодно. Но мы уже привыкли.

– Чих, ты правда понимаешь? – спросил я, подходя к нему.

– Конечно. Я это всё видел. – Он перевернул страницу лапкой. – Хокинг хорошо описал, но некоторые детали упустил.

– Например?

– Например, чёрные дыры. Они не совсем чёрные. И не со-

всем дыры. Это скорее... ну, как переходные комнаты. Знаешь, когдаходишь в одну дверь, а выходишь из другой? Вот примерно так.

– И ты там был?

– Бывал. Не рекомендую. Там скучно. Одна гравитация.

– А как же знаменитое излучение Хокинга?

– Оно есть. Но очень слабое. Как свет от гнилушки. Теоретически интересно, практически – бесполезно.

Жужа, наша собака, лежала на своей подстилке и сонно наблюдала за происходящим. Иногда она косилась на Чиха – проверяла, не собирается ли он опять чихнуть на её шерсть.

– Жужа, не бойся, – сказал Павлик. – Чих теперь свой. Он не чихает на тех, кого любит.

– Он чихает на всех, – возразила Аня. – Просто одних больше, других меньше.

– Это аллергия, – объяснил Чих, не отрываясь от книги. – Я древний. У меня на многое аллергия. На пыльцу, на пыль, на резкие запахи, на глупость.

– На глупость? – переспросил я.

– Да. Когда кто-то говорит глупость, у меня сразу першит в горле. Вот сейчас, например, – он покосился на Павлика.

– А что я сказал? – возмутился Павлик.

– Ты сказал, что тираннозавры не спрашивают теорему Пифагора. Это глупость. Тираннозавры вообще ничего не спрашивают. Они только едят.

– Вот видишь! Я же говорю, алгебра не нужна!

– Алгебра нужна, – назидательно сказал Чих. – Без неё ты не сможешь рассчитать траекторию побега от тираннозавра. Или угол наклона портала. Или количество пирожков на человека.

– Пирожки я и так считаю.

– В уме?

– В уме. И во рту.

– Ладно, – махнул лапкой Чих. – Безнадёжен.

За окном светило солнце, птицы пели, соседи сверху традиционно ругались – обычное утро обычного дня.

– Завтракать! – скомандовала бабушка, ставя на стол огромное блюдо с пирожками.

Мы уселись вокруг стола. Пирожки были с капустой, с мясом, с яблоками, с крапивой (новинка) и с чем-то ещё, что бабушка называла «секретный ингредиент».

– Вкусно, – сказал Павлик с набитым ртом. – А что за секретный ингредиент?

– Любовь, – ответила бабушка.

– Ба, любовь не считается. Это не ингредиент.

– Для меня – считается. Без любви тесто не поднимется.

Проверено.

– А научное объяснение?

– Научное объяснение – дрожжи. А метафизическое – любовь. Выбирай, что нравится.

– Я выбираю и то, и другое.

– Молодец.

Громов мрачно жевал пирожок с мясом и поглядывал на кофеварку. Она стояла на столе, мирно попыхивая паром, и, казалось, не предвещала беды.

– Игнат, – вдруг сказал он. – А почему она мигает?

– Кто?

– Кофеварка.

Все посмотрели на кофеварку. Она действительно мигала. Красным. Ритмично. Спокойно, но настойчиво.

– Наверное, режим готовности, – неуверенно сказал дед, откусывая пирожок. – Я его вчера настроил. Она теперь мигает, когда кофе готов.

– Она мигает не как режим готовности, – возразил Чих, откладывая книгу.

– Она мигает как... как сигнал.

– Какой сигнал?

Чих подошёл поближе, всмотрелся в экранчик. Его мордочка вытянулась.

– Ой, – сказал он.

– Что «ой»?

– Это язык Созидателей. Я его знаю.

– И что там написано?

Чих всмотрелся ещё внимательнее, и его усы затряслись.

– Там написано... «Внимание. Произведён запуск. Осталось пять минут до активации».

– До активации чего? – спросил Громов, уже на взводе.

– Не знаю. Но это нехорошо.

– Что значит «нехорошо»? – я вскочил, опрокинув стул.

– Это значит, – Чих тяжело вздохнул, – что ваша кофеварка только что... запустила какую-то программу. Древнюю. Очень древнюю. И, судя по тону сообщения, не очень дружелюбную.

– Какую программу?! – заорал дед, побледнев.

– Откуда я знаю? Я её не писал!

– А кто писал?

– Созидатели. Те, кто создал серых. Те, кто собирал образцы по галактике. Те, кто...

– Чих, ближе к делу! Что будет через пять минут?

– Через пять минут... – Чих посмотрел на кофеварку, которая теперь светилась ярко-красным, пульсируя в такт какому-то внутреннему ритму. – Через пять минут что-то произойдёт. Что-то масштабное.

– Масштабное – это как?

– Очень масштабное. Возможно, галактического масштаба.

Мы замерли. Пять минут. Целая вечность и ничтожно мало.

– Что делать? – спросил Павлик, и в его голосе впервые за долгое время не было шуток.

– Молиться, – предложил Громов, хватаясь за бластер, который, как всегда, был при нём.

– Пирожки есть, – сказала бабушка, и это прозвучало как «у нас есть ядерное оружие».

– Отключить! – закричал я. – Просто выдерни из розетки!
Дед рванул к кофеварке, схватил вилку, дёрнул...
Ничего.

– Не выключается! – закричал он. – Она на автономном!
Видимо, батарея встроенная!

– Переруби провода! – крикнул Громов.

Дед схватил ножницы, но кофеварка засветилась так ярко, что пришлось зажмуриться.

– Поздно, – сказал Чих. – Процесс пошёл. Держитесь.

А потом мир исчез.

Не в переносном смысле. В прямом.

Сначала свет – ослепительный, всепроникающий. Он шёл отовсюду, заполняя каждую клеточку тела. Потом звук – такой низкий и мощный, что, казалось, вибрируют сами кости. Потом пустота.

Мы стояли посреди... ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.